

Предисловие автора

Как видно из названия, главным героем этого романа послужил один из самых знаменитых летописных персонажей — воевода Свенельд. Он — чуть ли не первое известное нам историческое лицо, не принадлежащее к роду Рюриковичей и вообще к князьям, это первый «гражданин государства Российского», кого летопись назвала по имени (кроме послов из договоров с греками). В исполинском здании «древнерусского мифа» у него есть свой отдельный терем. Свенельд сам стал мифом, вошел в миф о четырех князьях — Игоре, Ольге, Святославе, Ярополке. А современное искусство (литература и кино) прибавляет к этому списку еще и Владимира, делая Свенельда спутником и его жизненного пути. Я бы сказала, что образ Свенельда, оставшегося зрелым, но не старым мужчиной до XI века, знаменует полный его отрыв от реального прототипа и выход в самостоятельную жизнь в качестве «антагониста вообще». «Седой и грузный», но бодрый воевода Свенельд — персонаж романа Бориса Тумасова «Кровью омытые», и престарелый Владимир, распределяя наследство, назначает Свенельда воеводой при юном Глебе. А ведь действие романа начинается в 1012 году, через 35 лет после последнего упоминания Свенельда в летописи (977 год) и через 90 — после первого (922 год)! Выходит, что этому Свенельду должно быть уже около ста двадцати лет от роду. «Варяжский ярл Свенельд» имеется среди персонажей романа В. Валуцкого «Агнеш и Анастасия», где действие происходит в середине XI века. Это уж никак не может быть наш Свенельд, и появление такого пер-

сонажа означает, что имя «бесконечно живущего» Свенельда почти стало нарицательным.

По своим отражениям в современной художественной литературе Свенельд заслуживает почетное звание «архизлодей всея Руси». В изображении современных писателей это человек очень активной жизненной позиции, решительный и способный на поступок, но в основном разрушительного характера. Он — персонаж чуть ли не каждого романа, посвященного Игорю, Ольге, Святославу. Это «суровый норманн», и практически везде — персонаж отрицательный. «Амбициозный военачальник», «свирепый варяг», «хитрый воевода» — его обычные эпитеты. Кто бы ни был избран автором в главные герои — его соперником и противником будет воевода Свенельд.

В одном романе к нему применяется загадочный этнический термин «черный варяг», видимо, отражающий общую черноту его души. Главные его качества — коварство, склонность к предательству, корысть, жестокость, вероломство, властолюбие. К примеру, в романе Светланы Кайдаш-Лакшиной «Княгиня Ольга» Свенельд описан в самых черных красках:

«Князь же Игорь отдал воеводе Свенельду право собирать дань с древлян с 922 года. Уже несколько лет Свенельд исправно это делает... Но отчего же он так угрюм и далек от всех?..

Бог Хорс, как известно про него, часто перевоплощается в волка, и когда он таскает овец из стада, этим он наказывает его хозяина... Но откуда же в глазах Свенельда этот волчий блеск?

Он жаден к наживе, иногда страшно с ним находиться рядом... »

В гостях у князя Мала впервые ощутила княгиня Ольга эту особую породу Свенельда, его отъединенность от улыбающихся друг другу людей... »

Это ж не человек, а явный оборотень — «особой породы», угрюмый, жадный, отъединенный от улыбающихся друг другу людей, с волчьим блеском в глазах. В сюжете романа он совершает несколько ничем не мотивированных убийств — такому не нужны особые причины, чтобы творить зло.

Неоднократно его обвиняли в стремлении погубить очередного князя, чтобы самому завладеть киевским столом.

«Суровый, рано поседевший сорокалетний витязь, с орлиным взором водянистых глаз, косым рваным шрамом на левой щеке и длинными усами... вспылчив и в гневе страшен» — так описан этот наш герой в романе Станислава Пономарева «Гроза над Русью». У него «насупленные мохнатые брови», из-под которых холодно поблескивают «ледышки его северных варяжских очей».

После гибели Игоря Свенельд не теряется:

«На третий день к вечеру в город на Горе прискакала дружина Свенельда. Воевода со скорбным лицом, но ликуя в душе, хотел опередить события. Замысел был: окружить князь-терем своими гридями и объявить себя великим князем Киевским, силой оружия и подкупом добиться признания своей власти у киевлян».

Так же властолюбив Свенельд в романе Андрея Сербы «Мечом раздвину рубежи». Он таит намерение захватить власть сразу же, как только останется единственной вооруженной силой в Киеве, и княгиня Ольга об этом догадывается, как будто это самое естественное дело.

«Ольга не отрывала взгляда от Свенельда: может, хоть чем-то выдаст свои тайные мысли? Напрасные надежды: лицо главного воеводы невозмутимо, глаза, как всегда, холодны, тонкие губы словно застыли под густыми вислыми усами. «Черный Ворон», — вспомнила вдруг Ольга прозвище, полученное Свенельдом от жителей Червонной Руси... Это прозвище воевода получил не только за свой внешний облик... Гораздо больше роднили воеводу с этим пернатым хищником сила и жадность, стремление любой ценой завладеть приглянувшейся добычей, а также неимоверная хитрость...»

Этот Свенельд — тонкий интриган. На время своего отсутствия он подсылает к Ольге молодого красивого варяга по имени Вальдс, который пытается за ней ухаживать (но ведет себя при этом так глупо, что вчистую проигрывает битву за ее сердце священнику Григорию).

Возьмем роман Михаила Казовского «Бич Божий» (изд. «Вече», 2013). Высокое положение Свенельда здесь объясняется тем, что он двоюродный брат Ольги (их отцы, Клеркон и Бард, были братьями), а следовательно, состоит в ближайшем родстве с правящей семьей. «Главной приметой лица

Свенельда были его волчьи глаза: бледно-серые с точечкой зрачка. Не такие свирепые, как у его сына Люта, но достаточно злые». Мстислав Свенельдич, он же Лют, описан как мужчина «с бесцветными волчьими глазами», то есть эта черта у них передается по наследству, является семейной.

У М. Казовского именно Свенельд выведен единственным виновником «древлянских казней». По его версии, когда после гибели Игоря древляне прислали сватов, «Ольга приняла их душевно и подумывала ответить согласием, но Свенельд, по собственному почину, запер представителей Мала в бане и спалил. Вспыхнула война...» Далее Свенельд разоряет Древлянскую землю, а Ольга спасает от смерти Мала с детьми и отправляет жить в Любеч. Несколько лет спустя Свенельд убивает его там во время объезда — просто так. То есть главное злодеяние «Ольги преданий» Казовский передает Свенельду, обеляя княгиню и очерняя воеводу так, что дальше некуда.

Волк и ворон — животные, с которыми писатели Свенельда в один голос сравнивают — являются важнейшими мифологическими образами, связанными с хтоническими силами, враждебными человеку, а также (особенно волки) символизируют статус изгойства, чуждости, нахождения вне общества. Отсюда естественно вытекает образ убийцы, грабителя и насильника, но одновременно волк — это воин, вождь, отправляющийся за добычей в чужую землю. Ворон, в свою очередь, сопричастен магическим (шаманским) искусствам, знает дорогу на тот свет и может выполнять поручения там. В представлении писателей, видимо, сыграло роль то, что ворон — зловещая птица мертвых, чей крик пророчит беду, но думаю, удивительное летописное долгожительство Свенельда повлияло на его отождествление с вещей птицей, живущей, по преданиям, триста лет. «Рано поседевший» — мелкая, может быть, бессознательно автором введенная деталь, опять же связывает Свенельда с миром предков, с Тем Светом. Он никогда не бывает молод, он всегда описан как мужчина преклонных лет, как «дед». Зловещий дед, фактически повелитель мертвых, образ, родственник главным «отцам ужаса» славянской мифологии — Кошеем, Вию...

В скандинавской мифологии образы волка и ворона тесно связаны с образом Одина — бога мертвых и колдовства,

а также повелителя павших воинов. Его спутниками являются два волка и два ворона. Мне кажется, здесь уже вступило в действие «коллективное бессознательное», в результате чего усилиями разных авторов, имевших совершенно разные методы, принципы и цели, сформировался мифический образ воеводы Свенельда — воина-волка, ворона, носителя агрессивного, коварного и корыстного начала, такого «проводника в мир мертвых», Кошья среди людей. Ведь он, если взглянуть на летописные легенды, фактически был причиной гибели четырех князей, с которыми имел дело! Из-за соперничества с ним погиб Игорь; Свенельд бросил Святослава на растерзание печенегам; Свенельд подбил Ярополка к нападению на брата Олега, из-за чего тот погиб, а в итоге и сам Ярополк пал в борьбе с другим братом, Владимиром. «Волчий блеск в глазах», «длинный, с горбинкой нос, черные как смоль волосы, постоянно приподнятые плечи и чуть склоненная вперед голова» — даже внешности его приписывают волчьи и вороновые черты.

Таким образом, писатели с XI по XXI век дружно соединяют усилия, формируя образ «варяга-волка». И я сильно склоняюсь к мысли, что полусознательное формирование этой, литературной по существу традиции началось не сейчас, а тысячу лет назад — еще до перенесения легенд из устной сферы в летопись.

Одно из немногих исключений — роман Василия Седугина «Князь Игорь», где Свенельд — «спокойный, но решительный человек, умелый военачальник». Симпатичный, настоящий друг Игорю. Но поскольку Игорь там занят больше личными неурядицами, то и Свенельд не особо себя проявил.

Из летописных упоминаний сведений о Свенельде извлечь можно немного. Имя его скандинавского происхождения: С. Л. Николаев относит его к категории: «летописные имена, имеющие фонетику «русско-варяжского» диалекта», и отмечает, что «фонетически не выводимые из *Swênald формы Свенгелдь, Свиндельдь (*Свѣнгалдь), по-видимому, говорят о знакомстве летописца с двумя сходными «русско-варяжскими» именами, *Swênald и *Swêngeld. Последнее имя неизвестно из скандинавских источников, однако содержит распространенные компоненты, в частности ср. Ингелдь (*Ingeld)» (конец цитаты).

Причем само имя Свенельда, которое фиксировалось со слуха, имеет в летописях десятки вариантов написания: Свѣ-нелдъ, Свѣналъд, Свѣндель, Свѣналдъ, Свеналд, Свѣнделдъ, Свѣнъделдъ, Свиньлдъ, Свинделдъ, Свенгелдъ, Свѣнгельд и так далее.

Судя по имени, Свенельд происходил из ославяненной Руси и родился на землях восточных славян. Дружина Игоря говорит о нем «одному дал много» (в Новгородской Первой Летописи), то есть рассматривает его как одного из своей среды — вероятно, из этой дружины он и вышел, но со временем заметно оторвался от массы по богатству и влиянию.

Откуда же такие черные краски? Как и в случае с Ольгой, Свенельд пострадал из-за своей славы. Как Ольге предание приписало массовые убийства, желая этим ее прославить, так Свенельда, видимо, очень знаменитого при жизни Игоря человека, предание никак не хотело «отпустить на покой». Если собрать все летописные статьи, упоминающие его имя, то получится, что активная его военно-политическая деятельность продолжалась с 922 по 977 год — 55 лет! Однако надо помнить, что первый летописный свод (так называемый Начальный) был создан в 1070-х годах — ровно сто лет спустя после того, как Свенельд сошел с политической сцены. У летописцев не было никаких иных источников, кроме народных преданий, а они, рассказы, передаваемые устным путем через четыре-пять поколений, едва ли могли донести точную хронику событий. По сути эти летописные легенды представляют собой дружинный героический эпос, и от него не стоит ждать фактической точности. Представьте, что у нас не было бы иных сведений о Великой Отечественной войне, кроме того, что нам рассказали прабабушки, — наверняка мы бы считали, что абсолютно всеми ее битвами, от обороны Брестской крепости до взятия Берлина, руководил маршал Жуков.

Единственный твердый факт, который мы можем вынести из летописных упоминаний, — что воевода Свенельд был весьма знаменит в эпоху Игоря и оказал немалое влияние на тогдашнюю политику. Но о личных его качествах судить по летописным преданиям можно так же надежно, как простым глазом исследовать свойства Луны по ее отражению в луже. Большинство писателей, увы, воспринимают

летопись слишком прямолинейно и попадают в ловушки древней литературной традиции. Мой роман будет, видимо, первым, где Свенельд — не традиционный коварный интриган с орлиным носом и седыми усами, а молодой парень в вихрях эпохи, дававшей множество случаев обладателям отваги и удачи.

(Этот роман можно рассматривать как предысторию большого цикла романов «Княгиня Ольга», здесь та же история и система персонажей.)

Глава 1

Вовсе не этим Свенельд сын Альмунда хотел бы заниматься в свою брачную ночь. В двадцать лет он раздобыл такую невесту — и красивую собой, и высокородную, — какой иному и в пятьдесят не дождаться. Но удача вышла по заслугам: Витислава, младшая дочь велиградского князя Драговита, досталась ему как честная военная добыча. Когда ободриты уже разбежались, ему пришлось прямо там, близ священной дубовой рощи, где местные отмечали середину лета, схватиться с Хольги Рыжим, который тоже было на нее нацелился — ясно же, что девушка, сидящая на белом коне, в большущем цветочном венке, и есть здесь самая лучшая. А потом, когда он со своей добычей уже был на берегу Травы возле кораблей, явился Бранегост, что ради давней вражды вильцев с ободритами присоединился к походу, — дескать, он ради нее сюда и шел. Надо было раньше говорить, кто за чем шел, а что с бою взято, то свято.

Старший брат Витиславы, Мистислав, запершись в ближнем городке под названием Любица, прислал своих людей и хотел ее выкупить, но Свенельд сам предложил выкуп — священного белого коня и пять человек из числа других пленников, почти всю его долю, — за то, чтобы Драговит оставил дочь ему и дал согласие на законный брак.

— Я не так глуп, чтобы променять девушку княжеской крови на скот и серебро, — сказал он самому Мистиславу, когда тот вызвал его на переговоры перед той священной рощей. Венки, потерянные разбегавшимися женщинами, помя-

тые и растоптанные, валялись по всему берегу. — Она родит мне сыновей, чей знатный род обеспечит им удачу и почет. Такого на торгу не купишь!

Каждый в сопровождении своих телохранителей, они сошлись под старым дубом, посвященным Перуну. Мистислав был рослый, приятный собой русоволосый мужчина лет двадцати трех — прямой нос, ясные серые глаза. Одет он был так, как одеваются знатные франки: цветная рубаха до колен, шелковые чулки. Вся повадка его выражала уверенный, сдержанный нрав, но сейчас он не мог скрыть досады перед противником, который нарушил ход праздника, оскорбил богов, пленил сестру и священного белого коня в придачу, а сам даже на несколько лет моложе его! Однако хороший кафтан с шелковой отделкой, серебряное обручье, а главное, очень дорогой меч-коряг на плечевой перевязи говорили, что похититель — человек не простой.

— Кто ты такой, чтобы требовать в жены княжескую дочь? — с негодованием допрашивал Мистислав. — Не помню, чтобы когда-нибудь слышал твое имя! Если ты из тех морских разбойников, что именуют себя конунгами, а сами не имеют даже такого клочка земли, чтобы свою задницу уместить, то к чему тебе знатная жена?

— В этом ты ошибаешься, — без обиды, обстоятельно пояснил похититель.

По виду он походил скорее на свея — даны таких кафтанов не носят, — чем на славянина, но на славянском языке говорил как на родном, хоть и ясно было, что учился он ему весьма далеко от этих краев. Для ободритов все говорящие на северном языке считались данами, а данов они, к своей печали, знали очень хорошо. Веками те и другие, живя по соседству, совершали взаимные набеги, и порой их вожди даже обменялись невестами в попытках наладить мир.

— Род мой не владеет никаким князьим столом, но среди моих предков были конунги данов. Слышал ты о Харальде Боевом Зубе?

Уж конечно, мало в этой части света нашлось бы людей, кто не слышал об этом человеке — том, кто обладал всеми Северными Странами и многими другими, прожил сто пятьдесят лет и в конце концов пал в битве, устроенной им самим именно ради того, чтобы погибнуть со славой.

— У него был сын по имени Халльмунд, известный как Халльмунд Старый, — продолжал Свенельд. Он вовсе не считал эти вопросы лишними: семья невесты имела право знать, что родство, которое ей навязывают силой, не уронит княжеской чести. — У Халльмунда было пятеро сыновей: Анлейв, Харальд, Регинфред, Хемминг и Хродрик, а еще дочь по имени Альвейг. Мужем Альвейг был человек по имени Хавтор Скала. У них родилось трое сыновей: Регинфред, Хродрик и Халлькель. Регинфред был дедом моего отца, Халльмунда. Мой отец женился в Ладогe, это на Восточном пути, на другом берегу Восточного моря¹. Моя мать происходит из Витонежичей, это старший тамошний род, в большой славе. Мы живем в Хольмгарде, главном городе Гардов², откуда начинается путь в сарацинские страны через земли славян и всяких прочих. Мой отец — хёвдинг у Олава конунга, и весь наш род у него в чести.

— Тогда почему ты здесь, разбойничаешь, как лютый волк, вместо того чтобы сидеть у себя дома? Не боишься оскорбить богов, нападая на священные рощи в святодни, когда чувствуют Живу и Перуна! — Мистислав показал на крону дуба у себя над головой.

— Как — почему? — этому вопросу Свенельд удивился. — Я что, похож на женщину, чтобы всю жизнь просидеть дома? Всякий мужчина должен повидать мир, чтобы заслужить уважение. Я бывал в Киеве и один раз даже в Саркеле, но там из наших многие бывали. А вот на северные моря никто не ходил, swei и готландцы больше сами к нам ездят. Этот поход меня прославит. Отец и Олав дали мне дружину, чтобы Сигтрюгг и наши датские родичи видели, какая удача досталась потомкам Халльмунда Старого в Гардах. Вы сами убедились, что у меня она есть. Вашей чести не уронит, если мы породнимся.

— Возьми за нее трех рабынь! — в отчаянии предложил Мистислав. — Я дам самых красивых и ловких!

¹ В древности и Неву, и Ладожское озеро считали продолжением Финского залива. Восточное море — скандинавское название Балтийского моря. (Здесь и далее примечания автора.)

² Гарды — скандинавское название Северной Руси, а данном случае — округи, подвластной Хольмгарду (будущей Новгородской земли).

— Не считай меня рохлей, которому не с кем спать. Меня не проведешь. Я знаю, чем ценна моя добыча, и не променяю на всякую дрянь, какой все торги заполнены. Я сам верну вам пять простых девок из тех, что сейчас у меня, и коня в придачу. А твой отец признает меня зятем. Иначе... сами понимаете, отказ от этого брака ни воли, ни чести твоей сестре не вернет, а она хорошая девушка, и было бы обидно смолоду обречь ее на участь рабыни стоимостью в три марки серебра!

Соглашение было нужно им обоим. Случается, что в плен попадают знатные девы и даже дочери конунгов. Но рабыня, захваченная или купленная, она и есть рабыня, и дети ее через всю жизнь пронесут несмываемое позорное пятно. Чтобы такая пленница стала чем-то большим, чем дорогая игрушка и предмет похвальбы хозяина, нужно получить согласие ее семьи. Невесту требуется выкупить «даром и словом», как свободную женщину, чтобы взятие ее на ложе означало союз между родами. Только тогда дети будут законными и получают права на все наследство с обеих сторон, как имущественное, так и то, что заключено в их крови. Просто похитив девушку, Свенельд обесчестил бы ее род, но себе чести прибавил бы не много. Вся разница была в том, что он к соглашению стремился по доброй воле, а Мистислава к этому принуждало безвыходное положение. Уж он выбрал бы сестре мужа получше, чем какой-то неведомый полуславянин-полудан с Восточного пути! Заскучала Витка дома, захотела проехать до Любицы, покрасоваться на белом коне, ведь здесь нет никого ее знатнее! Теперь, похоже, прогулка ей предстоит более долгая.

— Я не могу решить это сам! — сказал Мистислав, убедившись, что противник твердо знает, чего хочет, и не намерен отступить. — Ее судьба в воле нашего отца!

— Ну так пошли к нему. А он пусть потом ищет меня в Хедебю, у Сигтругга. Я еще побуду там какое-то время, но к осенним пирам собираюсь быть дома.

Свенельд не собирался ждать с дружиной в устье Травы, пока Мистислав снесется с отцом в Велиграде, а тот соберет войско. Ободриты были довольно опасными противниками, веками не без успеха воевавшими с саксами и франками. Порой попадая в зависимость от христианских королей, велиградские князья тем не менее сумели сплотить и подчинить три ближайших славянских племени и уже с полвека никому

дани не платили. Свенельду повезло, что в эти дни Мистислав отправился в торговую крепость Любицу, всего в одном роздыхе¹ от моря, а младшая сестра, к нему сильно привязанная, упростила взять ее с собой. Останься она в Велиграде, не застань даны здешних ободритов врасплох — Свенельд никогда в жизни даже увидеть ее не смог бы. Такое стечение обстоятельств он посчитал знаком особого благоволения к нему норн-судениц. В свой священный день, когда у славян принято выбирать жен и мужей, боги просто всунули эту девушку ему в руки, а только последний глупец променяет подобный дар на какой-то там выкуп. Кони сдохнут, рабыни состарятся, шелка износятся, серебро растратится, и только княжеская кровь будет передаваться потомкам из поколения в поколение, вновь и вновь принося им почет и удачу.

Согласия Драговита Свенельд ждал, уже вернувшись со своей добычей в Хедебю. Там переговоры завершились. Тот же Мистислав привез приданое сестры и ее служанок и от имени отца ударил по рукам со Свенельдом: род невесты выплачивает ее приданое и принимает выкуп, жених обязуется сделать ее хозяйкой своего дома и матерью наследников. В присутствии Сигтрюгга конунга было справлено обручение, и союз приобрел законную силу.

Драговит пытался поставить условие, чтобы Свенельд вместе с женой оставался в Хедебю, на службе у Сигтрюгга конунга — такое родство подкрепило бы безопасность его земель. Но на это Свенельд не согласился: ему не терпелось похвастать своей добычей перед отцом с матерью, перед двумя оставшимися дома братьями и перед Олавом, своим господином. После обручения он сразу же отправился через море на восток — туда, где лежал великий Восточный путь, соединявший Северные Страны с южными морями, источником шелков, серебра и прочих сокровищ.

* * *

Домой Свенельд вернулся в последние дни перед началом зимы и поверг в изумление, да и зависть, сначала всю Ладогу, а потом и Хольмгард. Того, что он привезет добычу, никто

¹ Роздых — 5–6 километров.

особенно не ждал — посылали его за другим, так что своим успехом он мог гордиться вдвойне. Захваченный скот и полон продали в Хедебю, и Драговитова дочь оказалась одной из многих пленниц, кого довели до дома.

Когда лодьи, пройдя по Волхову, подошли к внутреннему причалу — он находился внутри укреплений Хольмгарда, дугой огибавших его со стороны берега, — Олав конунг велел закрыть ворота на посад, иначе прибывшим было бы некуда сойти из-за толпы. Ради такого случая он сам вышел на причал, вместе со всеми домочадцами.

— Рад видеть тебя живым и невредимым, Свен! — Олав, невысокий, рыжеватый мужчина тридцати лет, приветственно развел руками. — Надо думать, ты успел далеко забраться, если возвращаешься прямо перед осенними пирами! Мы уже почти перестали тебя ждать, думали, ты зазимовал где-то за морем, вместе с Ингемундом.

— Здравствуй, конунг! — Свен махнул рукой с борта лодьи. — Про Ингемунда я слышал на Готланде — он был у Бьёрна в Уппсале и собирался вместе с ним зимой ехать по стране. А мы добрались до самого Хедебю, как я и хотел. И еще по дороге взяли добычу у ободритов!

— Что-то немного ее! — Годред, старший брат Свенельда, в свои двадцать два возвышавшийся на голову над любой толпой, упер руки в бока. — Вижу двух-трех женщин — ради этого не стоило ходить так далеко. Или у тебя еще где-то спрятан поросенок? Тогда, конечно, другое дело!

В толпе засмеялись, но не слишком дружно. За насмешкой Годреда скрывалась зависть: ну кто же станет прилюдно восхищаться, если твой младший брат взял да и покрыл себя славой на морях? Годред охотно сходил бы в этот поход и сам, но ему пришлось, как всякое лето, везти товары в Саркел. Конунгова служба не много времени оставляла для прогулок ради славы: зимой нужно было собирать дань с чуди и мере, а летом возить куниц, бобров и все прочее продавать на хазарские торги.

— Кое-что ценное я привез, это верно! — Свенельд тем временем сошел с лодьи на причал и дал матери себя обнять. — Скотину, полон и всякие пожитки мы продали у данов, дренги оставили себе по девке, кому было надо. А я привез такого поросенка, что ему нет цены!

— С золотой щетинкой? — улыбнулся их младший брат, Велерад.

— Небось золотой браслет в три марки весом, да? — воскликнул Годред. — Рука не устает?

— Еще лучше! Сейчас увидите!

Свенельд вернулся на лодью, взял одну из сидевших там женщин за руку и поднял. Пока они шли по мосткам на причал, в ближних рядах толпы раздавались удивленные возгласы.

— Вот! — Свенельд приподнял руку девушки, чтобы всем было лучше видно кольцо на ее руке. — Это моя будущая жена! Мы обручены как полагается.

— Божечки, мне невестку привезли! — запрочитала его мать. — Макошь матушка, дождалась я радости! А то три лба здоровых выросло...

— Да уж я не сомневался, что так будет! — усмехнулся Альмунд, отец. — Только раззява возвращается из похода без невесты, а наши-то не такие!

— Она из вендов? — Олав приподнял брови.

Это было видно по ее одежде: белой шерстяной свите, из-под которой чуть торчал подол красной поневы с тонкими белыми полосами. Поверх этого девушка была плотно закутана от осеннего речного ветра в толстый плащ.

— Только вот... не слишком ли она молода? — с сомнением добавил Альмунд, стараясь разглядеть привезенную.

Личико с розовевшим от холода носом пряталось в складках серого платка, к тому же невеста не поднимала глаз, стояла сжавшись, будто боялась града камней. Однако женщину, способную пленить кого-то из его взрослых сыновей, Альмунд представлял себе повыше ростом и повиднее. Свенельд сам вымахал в три локтя с пядью, а Годред — в три с половиной. А в этой невесте два с половиной да пядь, да и того не будет, пожалуй.

— Две ее старшие сестры уже замужем, и до них было никак не добраться, — Свенельд с сожалением покачал головой. — Зато ее отец — сам Драговит из Рёрика¹, князь ободритов! И она его законная дочь. В ней княжеская кровь, от самих богов. Пять других пленных я отдал на выкуп за нее, и Драговит согласился на наш законный брак! Я ударил по ру-

¹ Рёрик — датское название Велиграда.

кам с ее старшим братом. У меня свидетели есть! — Он кивнул на своих хирдманов, которые уже сошли с лодий и смешались с толпой собственных родичей. — Так что это настоящая конунгова дочь, подлинная, как мой корляг! — И он коснулся рукоятки меча, будто принося клятву.

Толпа возле них уважительно загудела.

— И что же — ты женился? — в изумлении рассматривая гостью, воскликнула Сванхейд, жена Олава и госпожа Хольмгарда.

— Пока еще нет. Я хотел, чтобы свадьбу справили здесь и все вы были свидетелями.

— О боги! — Сванхейд всплеснула руками. — Если она дочь князя, это для тебя, конечно, большая удача, кто бы стал спорить... Но... сколько же ей лет?

Свенельд слегка склонил голову и покосился на двух других женщин, постарше, сидевших в его лодье среди коробов с имуществом юной невесты.

— Ее служанки говорят... одиннадцатое лето миновало. Она еще не того... Дома она не носила поневу, на нее надели уже в Хедебю, перед нашим обручением, чтобы... был приличный вид.

«Чтобы вручить жениху невесту, хотя бы похожую на взрослую деву, а не на ребенка», — вот что он хотел сказать.

— Одиннадцать! Даже я старше! — горделиво воскликнула Ульвхильд, дочь Олава от его первой, покойной жены.

Ульвхильд пошла тринадцатая зима, она уже считалась готовой невестой, однако на новую товарку взглянула не без досады: у той уже имелся жених — этот дубина Свен, а Ульвхильд все еще ждала, кому из владык отец пожелает отдать ее руку.

Годо приоткрыл было рот, явно собираясь отпустить какую-то шутку в своем духе, но Свенельд с прежней уверенностью встретил насмешливый взгляд старшего брата.

— Но она же не останется такой навсегда! Пройдет год... или два... зато мои будущие дети всю жизнь будут внуками князя!

— Ну-ну... желаю тебе не заскучать в ожидании! — хмыкнул Годред. — Если что, сможешь пока с ней в «криночки»¹ поиграть.

¹ «Криночки» — игра для маленьких детей с нянькой.

Встречей на причале дело не кончилось — на завтра Олав устроил в честь Свенельда пир, и сама Ульвхильд, насмешливо улыбаясь, поднесла тому приветственный рог. Как бы он там ни отличился, средний из Альмундовых сыновей — не тот витязь, которого она посчитала бы достойным своего внимания, но пока не явился кто-нибудь получше, была рада и такому случаю выступить в должности «госпожи медовой чаши». Дочь Олава была из тех дев, кого с десяти лет учат искусству подносить рог мужам и управлять пиром, поскольку в будущем ей предстоит быть хозяйкой пиршественной палаты не одного, так другого могущественного владыки. На пирах начинавшейся зимы ей предстояло впервые красоваться в наряде взрослой женщины, и приезд Свенельда дал неплохой повод начать. Ростом она была ниже его на целую голову, однако тонкая и стройная, высокая для своих лет, одетая в красное платье с золочеными наплечными застежками, с прической знатной девы — узлом волос на затылке, из которого свешивался на спину длинный хвост, — держалась уверенно и величаво, как настоящая валькирия. С ранних лет Ульвхильд была приучена к мысли, что рождена быть главным украшением княжеских палат, и Свенельд не без тайного сожаления сравнил ее мысленно с той, которую назвал своей невестой. Вот если бы такую деву привезти из заморья, никто не посмел бы усмехаться!

— Приветствую тебя по возвращении из чужих стран, Свенельд сын Альмунда! — величественно произнесла Ульвхильд, встретив его перед горящим очагом и держа в руках окованный серебром рог с вареным медом. — Возблагодарим богов, что хранили тебя и дружину в долгом пути, уберегли от бурь, чужих мечей и стрел, болезней и прочих опасностей, чтобы ты мог достичь той цели, ради какой тебя посылали!

Она отлила немного в очаг — мед зашипел, вырвав мокрые пятна черноты на багряном теле пылающих головней, — потом подала рог Свенельду.

— Благодарю и тебя, дева! — Он улыбнулся. Дочь собственного вождя воздавала ему честь, а это значит, что он и впрямь чего-то добился в жизни. — Славьтесь, асы и асиньи!

Свенельд тоже отлил немного в очаг, а потом наклонился к Ульвхильд, рассчитывая ее поцеловать, но она отвернула лицо, так что он сумел лишь скользнуть губами по ее гладкой щеке.

— Жену свою целуй! — насмешливо шепнула она ему.

Даже отличившийся, сын Альмунда все же был ей не ровня, а Ульвхильд с детских лет знала, где место ей, а где всем остальным.

Юной Витиславы в гриднице не было: Радонегга, мать Свенельда, охая, увела девочку к себе и устроила на отдых, велев ей не тревожить, пока не попривыкнет немного. Да и не годится невесте до свадьбы торчать у людей на глазах — сглазят еще. Жители Хольмгарда были разочарованы — всем хотелось получше разглядеть ободритскую княжну. «Насмотритесь еще! — весело отвечал любопытным Свенельд. — Она теперь на весь век с нами!»

Но вот Олав раздал дружине за столами мясо и хлеб, и пришла пора для разговора.

— Когда мы прибыли в Хедебю, я сразу отправился к Сигтрюггу конунгу, в Слиасторп, — рассказывал Свенельд. — Это его усадьба, она неподалеку от Хедебю, но не в самом вике. Он, понятное дело, стал расспрашивать, кто я такой. Оказалось, что наших тамошних родичей он знает, и послал за ними. Ну а когда мы перечислили дедов и выяснили, что я доподлинно их родич, я рассказал, что ты, конунг, задумал большой поход в Серкланд и тебе требуются воины. До них доходили через свеев и готландцев слухи о Хельги киевском и его походе на греков, но они это по большей части сочли за «лживые саги». Но я им все подтвердил: как Хельги взял выкуп за то, чтобы снять осаду, как цесари пообещали ему торговый мир, чтобы можно было возить туда меха и все прочее, а шелк и вино покупать прямо там. У них у всех так глаза и загорелись! — Свенельд усмехнулся. — Но иные стали кричать, что-де они не знают ни меня, ни моего конунга, ни наших людей, мол, им неведомо, те ли мы люди, с которыми можно надеяться на удачу.

— Ну а ты? — воскликнула Сванхейд; молодая госпожа была честолюбива не менее, чем ее сдержанный муж. — Что ты им ответил?

— Я ответил, что сам еще не знаю, есть ли у них хоть немного доблести и пригодится ли нам их помощь. Тогда Сигтрюгг сказал, что мы можем испытать свою храбрость этим же летом, не забираясь на южные моря. Уже близилась Середина Лета, и он сказал, что мы могли бы сходить с боевым щитом в земли вендов — они так называют ободритов. Мне потом Хродрик, наш родич через того Халькеля, что был братом прадеда Регинфреда, рассказал, что пару лет назад Сигтрюгг сам летом ходил на Драговита, но был разбит и едва успел убраться к кораблям. Вот он и нашел случай с ними посчитаться моими руками. А если б они и меня разбили, то ему невелика печаль. Но Хродрик сразу сказал, что он пойдет со мной, и его зять тоже, а за ним и еще кое-кто подтянулся. Еще пятеро пришли с дружинами, так что нас набралось почти две сотни на восьми кораблях. А потом явился даже один удалец из вильцев, по имени Бранегост. Вильцы давно враждуют с ободритами, он сам-то был в Хедебю по торговым делам, но тоже пошел с нами. . . Я с ним потом подрался, — добавил Свенельд.

— Из-за чего же? — улыбнулся Олав, довольный, что его молодой посланец за морем не ударил в грязь лицом.

— Он тоже хотел заполучить мою невесту. От него-то я и узнал, что она — дочь самого князя, Драговита. Я-то думал, она просто самая красивая, кто в той округе нашелся, как у нас для Купалий словены лучшую девку выбирают.

— А он не солгал? — нахмурилась Сванхейд.

— Нет, я потом расспросил других пленных. А потом к нам прислал из крепости Мистислав, Драговитов сын, ее брат. . .

Но повесть о борьбе за невесту, хоть и была весьма занимательна, волновала Олава меньше, чем отчет о главном поручении Свенельда. Уже года два он подумывал о большом военном походе на дальний край Восточного пути — в сарацинские страны, откуда везут шелка и серебро. Мысль эта пришла ему после того, как киевский князь Хельги Хитрый сходил на Греческое море и побывал у стен Константинополя, или Миклагарда, как этот город называли в Северных Странах. По всем землям разошлись слухи об успехе этого похода, о богатой добыче из греческих земель, о дани, полученной от цесарей за снятие осады, о договоре насчет торгового мира, дающем право купцам русов ежегодно посещать констан-

тинопольский торг. Олав знал об этих делах из первых рук: после похода Хельги присылал к нему людей, чтобы рассказать о будущем соглашении. Оно сулило некоторые выгоды и Олаву, поскольку открывало новые возможности для сбыта северных мехов, но его товары могли попасть на константинопольские торги только с людьми Хельги, а значит, Хельги достанется и главная прибыль, и честь.

С этим Олав не мог смириться. Теперь слава Хельги Хитрого, вчерашнего выскочки, будет год от года возрастать, право продавать меха, мед, воск и челядь в Константинополе, привозя назад золото, паволоки, вино и прочее, будет питать его богатство и влияние. Притом и потери в русской дружине были невелики — цесари, занятые войной с сарацинами, не дали ни единого настоящего сражения, а отдельные отряды русы разбили без особого труда. Весь свет полнился хвалами Хельги киевскому, удача его считалась поистине божественной. Славяне даже стали именовать его Вещим, видоизменив его старое прозвище, в знак признания за ним особой зоркости души.

Молодые русы, в том числе Годред, стали поговаривать о том, что нехудо было бы отправиться к Хельги и поучаствовать в других его походах. Опасаясь, как бы лучшие из его людей не оказались вскорости людьми Хельги, Олав объявил, что намерен собрать войско и отправить его в поход на Серкланд — Страну Рубашек.

Размахом и отвагой замыслов Олав не уступал своему киевскому сопернику, но для такого предприятия требовалось больше людей, чем он мог набрать в своих владениях. Подвластные Олаву земли были весьма обширны — от Луги на западе до Ваугед-озера¹ и меренских озер на востоке. Собирая дань со словен, чуди, мере, он отправлял на хазарские торги немало ценных мехов, меда, воска, взамен получая сарацинское серебро и шелка. Однако население в этих лесных краях было довольно малочисленное, и только там нельзя было бы набрать войска, достаточно большого для успешного похода на другой край света. Подготовка должна была занять несколько лет.

¹ Первоначальное (вепское) название Белоозера.

Приняв решение о походе, Олав в первый год разослал послов в Итиль и Киев — к владыкам тех мест, через которые войску предстояло пройти. Хельги охотно дал согласие пропустить северных русов через свои земли на Десне. Дороже обошлось соглашение с хазарским хакан-беком: он пожелал получить половину всей добычи, которую русы возьмут у сарацин, и на том стоял прочно. Пришлось согласиться: с какой стороны ни подойди, через Боспор Киммерийский из Греческого моря или по южным рекам, помимо владений каганов пройти в сарацинские земли никак нельзя.

На другое лето Олав принялся набирать войско и послал людей в заморье — туда, где имелось немало отважных воинов, только ждущих, чтобы им указали путь к добыче. Ингемунд Веселый отправился в Уппсалу — к старому Бьёрну, деду Сванхейд, а Свенельда, среднего сына Альмунда, было решено послать на запад, к данам. Альмунд родился в Хедебю и оттуда еще в молодых годах перебрался сначала в Бьёрко, а оттуда в Ладогу, но в Хедебю у него осталась родня, а значит, как рассудил Олав, его сыну будет легче добиться толку.

— Я вдвойне рад успеху твоей поездки, — сказал Олав, когда Свенельд наконец изложил все свои приключения. — Ты хорошо исполнил мое поручение, а себе добыл честь и невесту. Боги тебе помогли, послав эту девушку. Думаю, после того как в Хедебю у Сигтрюгга все ее увидели, никто не усомнится, что у наших людей есть и доблесть, и удача. Если все те люди, что пообещали быть здесь следующей весной, сдержат слово, мы соберем войско немногим меньше, чем было у Хельги в походе на греков. Верно же, Альмунд?

— Верно, конунг! — охотно подтвердил Альмунд. — У меня подросли сыновья, нужно дать им случай людей посмотреть и себя показать! Отправлю их, а сам буду полеживать да поджидать добычу!

— Уж в этот раз ты отпустишь меня, а не заставишь считать куниц! — взмолился Годред.

— Было бы несправедливо лишить тебя и этого случая отличиться! — засмеялся Олав.

— Твой брат привез княжну — тебе придется раздобыть дочь кагана, чтобы не уступить ему! — поддела Годреда Сванхейд.

— Если только у него есть дочери..

— Нет, нет! — Олав предостерегающе поднял руку. — Осторожнее, госпожа моя дротнинг¹! Не забудьте, что мы собираемся походом вовсе не на хазар, а на их врагов сарацин, которые живут на Хазарском море. Боргар от моего имени клялся в Итиле, что наши люди не тронут в их владениях ни одного козленка. Только на этом условии их главный ярл согласился нас пропустить.

— Хакан-бек Аарон, — сильным голосом подсказал Боргар, зрелых лет краснолицый воин.

— И я еще возьму с вас клятву не причинять вреда никому на хазарских землях. — Олав окинул своих людей строгим взглядом. — Торговый мир с хазарами нам нужен по-прежнему, иначе мы не увидим более шелка и серебра, не продадим ни одного бобра без участия Хельги Хитрого.

— Если цесари его не обманут и все же дадут торговый мир, — заметила Сванхейд, намекая, что положение самого Хельги не так уж и надежно.

— Ну а если греки его обманут, для нас окажется еще важнее сохранить мир с хазарами, — без улыбки закончил Олав. — Ведь тогда торги Итиля останутся единственным местом, где можно раздобыть серебро, и для Хельги, и для нас. . . Так что ты решил, Альмунд, — Олав повернулся к своему соседу, — когда вы собираетесь устроить свадьбу?

— Сдается мне, это нужно сделать в ближайшие дни, — Альмунд с трудом вернулся мыслями в свой собственный дом из Итиля и Миклагарда. — Раз эта девушка уже у нас, она не может оставаться в нашей семье, не войдя в нее, не то люди подумают, что она все-таки невольница. . .

— А этого я не допущу! — твердо закончил Свенельд.

* * *

Праздник Зимних Ночей² — наилучшее время для свадеб, когда к конунгу съезжаются гости, закалывают скот, накрывают столы и варят пиво, чтобы весело встретить самую темную, холодную и опасную часть года. Наибольшее внимание и честь ожидали Свенельда — все захотят послушать о том,

¹ Дротнинг (др.-сканд.) — королева.

² Середина или конец октября.

как он ездил за море, виделся с Сигтрюггом конунгом в Хедебю, ходил на ободритов. А его свадьба станет наилучшим завершением важной поездки — точно как в сказании.

Свадьба Свена была назначена на один из дней праздника, после пира в честь эйнхериев. В коробах с приданным Витиславы имелся наряд, спешно приготовленный для нее матерью в Велиграде — сорочка с вышивкой, красная понева, белая вздевалка, отделанная красным шелком, очелье с золотыми колечками, увенчанная маленькой петелькой, как носили поморяне, пришитыми по четыре в ряд с каждой стороны. Но Сванхейд, осмотрев все это, решительно запретила надевать, позволила оставить только кожаные башмачки с красивой вышивкой желтыми и красными нитями.

— Понева! Она будет в этом выглядеть как... чащоба! — подумав, Сванхейд выбрала славянское слово. — А она теперь входит в знатный род, происходящий от датских конунгов! Мы сами ее оденем.

Ульвхильд подарила Витиславе одно из своих платьев (Сванхейд пообещала немедленно сшить падчерице новое, еще лучше), а жених преподнес золоченые узорные застёжки, две низки дорогих бус — хрустальных, сердоликовых и стеклянных.

— И очелье свое пусть наденет! — вопреки мнению госпожи, распорядился Свенельд. — Там золото, пусть люди видят, что моя жена не с пустыми руками в дом пришла!

При виде искусно ограненных бусин, округлых и продолговатых, Витислава впервые немного оживилась. До этого она была молчалива, замкнута и почти не поднимала глаз на чужих людей, говоривших на малопонятном ей языке. Наречие ильменских словен отличалось от ободритского, а половина жителей Хольмгарда и вовсе пользовалась северным языком; звучание его напоминало Витиславе лишь о страхе, горе, вечной разлуке с семьей и родным краем. С раннего детства ей внушили мысль о том, что лет в двенадцать-тринадцать она выйдет замуж и, скорее всего, будет жить далеко от дома и родных. Но случилось это уж очень внезапно — еще до того как она надела поневу и стала считаться взрослой, и даже проститься с семьей по обычаю ей не дали.

— Что то есть? — Она осторожно прикоснулась тонким пальчиком к бусинам на ремешке. — Солнечный камень?

— Это называется сердолик! — с видом опытной женщины, повидавшей немало сокровищ, просветила ее Ульвхильд. — Это камень, да.

— Нет, это не янтарь, — поправила Сванхейд, понявшая, что Витислава имеет в виду. — Это другой камень. Он намного крепче и ярче. Его можно огранивать, а не только шлифовать.

— Выглядит как мьёд.

— Да, похоже. У вас такого не было?

Витислава помотала головой.

— Только стеклянный, — она показала на несколько стеклянных бусин на той же низке, желтых и зеленых.

— А у нас этого полным-полно! — похвалилась Ульвхильд. — Привозят с Хазарского моря. Знаешь, где оно?

— Ни, — Витислава качнула головой.

— Это очень, о-чень далеко! — протянула Ульвхильд. — Туда ездят год в одну сторону и год обратно. Сначала от нас на юг до самого Киева — это целых два месяца, если повезет и все пройдет хорошо. Оттуда поворачивают через разные земли, которые раньше были подвластны хазарам, а теперь — Хельги Хитрому, и по рекам и через переволоки до земель самих хазар. Наши люди ездят до города Саркела, а там уже живут хазары и водятся велеблуды. Это все равно что корова, только огромная, длинноногая, без рогов и с горбом на спине. Но до их главного города, Итиля, от Саркела еще далеко, он стоит на Хазарской реке, а она впадает в Хазарское море. А за морем — Серкланд, оттуда привозят вот такие красивые вещи, — она показала на полоску узорного красно-желтого шелка, которым были обшиты края рукавов ее платья. Полоски были узкие, с женский палец, и узор на ткани не получалось разобрать.

— А до Велиграда оттуда совсем другой конец света получается, — добавила Сванхейд. Внучка конунга свеев, старого Бьёрна, она и сама не видала до замужества столько бус из хрустала и сердолика, сколько здесь, на Волхове. — Неудивительно, если туда их не возят. Но теперь у тебя будут и бусы, и шелка, много серебряных перстней и обручей, — она слегка потрепала Витиславу по худенькому плечу. — Тебе следовало бы радоваться. Ты выходишь за человека хорошего рода... да Свен и сам своего не упустит! Он сходит на сарацин,

и потом в красивых платьях и прочих дорогих вещах ты всю жизнь не будешь знать недостатка!

Однако Витислава, не отвечая, опустила голову, и по движению ее плеч Сванхейд поняла, что та снова борется со слезами. Оторванная от матери, всех родных, своего дома, родного края, отданная во власть чужих людей, Витислава не могла утешиться обещанием красивых платьев.

— Не нужно плакать! — строго сказала госпожа Хольмгарда. — Разве тебя не учили, что высокородный человек не должен выдавать своих чувств, особенно если это печаль?

— Моя дрога матко... — полуразборчиво забормотала Витислава.

Ее учили совсем другому — как принято у славян, и горе, и радость изливать в песнях и причитаниях. Особенно по такому поводу, какой выпал ей сейчас, самый важный в жизни всякой женщины. Не думала, не гадала, а налетели злые черные вороны, унесли из родного теплого гнездышка...

— Я, — с выразительной гордостью заявила Ульвхильд, — не буду заливаться слезами, когда меня посадят рядом с будущим мужем.

— Пусть поплачет сейчас, — Сванхейд махнула рукой. — Лучше ей растратить все свои слезы до пира. Свену не сделает чести, если люди будут видеть, что мысль о браке с ним повергает невесту в такое горе!

Ульвхильд хмыкнула. Ее и мачеху разделяло всего десять лет, но Сванхейд была уже взрослой семнадцатилетней девушкой, высокой и крепкой, когда ее три года назад привезли сюда из Уппсалы. Она успела родить двоих детей; первенец-девочка подрастала, родившийся вторым мальчик почти сразу умер, но Сванхейд стойко перенесла эту утрату, вполне обычную для любой жены; через полгода она ожидала еще одно дитя. Нрава Сванхейд была истинно королевского — гордого, повелительного и строгого. С высокими скулами, с очень светлыми бровями и голубыми глазами, немного вздернутым носом и широким ртом, она, как и многие женщины племени свеев, имела в чертах нечто мужское. Однако держалась она так величаво, была так умна и красноречива, так умело управлялась с обширным хозяйством Хольмгарда, что это вполне возмещало нехватку красоты, и Олав мог только благословлять богов, пославших ему такую жену. До свадьбы он ее ни

разу не видел, но она оказалась именно такой, какой и должна быть внучка конунгов. Дочь своей предшественницы, покойной Гейрхильд, девочку самоуверенную и избалованную, она держала строго, но не притесняла излишне, и они довольно неплохо ладили.

— Я бы тоже не обрадовалась, если бы меня выдавали за Свена! — надменно бросила Ульвхильд.

— Нечего ее пугать. Слышишь, Вито, он совсем не худший муж. Свен — неплохой человек, — снисходительно заметила Сванхейд, однако во взгляде ее отражалась мысль, что среди сыновей Альмунда есть и получше. — Он будет с тобой добр... я с ним поговорю.

Сванхейд и правда поговорила с женихом. Как госпожа Хольмгарда, она считала своим долгом улаживать все, что требовало улаживания, а к тому же где-то в глубине души понимала: маленькая Витислава, худенькая, бледная, плачущая по ночам от разлуки с матерью, явно не созревшая для брака, тем не менее птица из той же стаи, что и она сама, — дорогостоящая невеста, увезенная за два моря, чтобы дать начало могучему знатному роду.

Выбрать случай Сванхейд удалось только за день до свадьбы — в День эйнхериев. Этот день посвящали воинским состязаниям, а к вечеру готовили пир. Листья уже почти облетели с деревьев, но еще лежали упругими желтыми грудями на земле; с утра было ясно, а в полдень, когда все собрались на пустыре за кузницами, вдруг натянуло откуда ни возьмись черные тучи и хлынул град. Белые зерна с шумом стучали по палой листве, а меж тучами падали солнечные лучи, оттеняя краски. Прячась под навесами у домов, держа над головой плащи и щиты, люди смотрели, как солнце золотит голубые, серые, белые от облаков участки неба, желтую и багряную листву, и смеялись под треск града по дереву и по земле. Сами боги, видно, прибираются в палатах, разом выметая все лишнее за порог, и плененное солнце рвется на волю через приоткрытую дверь.

Весь день Сванхейд могла лишь издали наблюдать за мужчинами, и вовсе не Свенельд чаще всего притягивал ее взгляд. Куда больше ей хотелось смотреть на кое-кого другого, а о Свенельде она порой вовсе забывала. Лишь когда состязания закончились и вся толпа повалила с пустыря за кузницами

к воротам городца, она вспомнила о своем деле и огляделась, выискивая Свена.

Он шел шагах в десяти позади Олава с семейством, между обоими братьями. Эти трое были лишь отдаленно схожи меж собой, и в то же время всякий легко признал бы в них близких родичей. Годред был самым высоким; с широкими плечами, длинными руками и ногами, размашистыми движениями, он выделялся статью среди людей. Собой он был менее хорош, чем Свен: тяжеловесные черты, небольшие глаза, густые русые брови. Младший, шестнадцатилетний Велерад, внешне удался в материнскую родню; лицо у него было более округлое, черты тоньше, чем у старших, выражение дружелюбное и открытое. Только глаза у всех троих были одинаковые — не карие и не серые, а нечто среднее, цвета пыльного желудя.

Двое старших были в кольчугах, с мечами на плечевой перевязи. Щиты они отдали оружничим вместе со шлемами, и светло-русая голова Свена оставалась непокрытой.

— Скажи, чтобы подошел ко мне, — Сванхейд сделала служанке знак в его сторону.

— Свень, госпожа? — неуверенно уточнила Нежка.

— О боги, ну а кто!

Девка отвела глаза и скользнула назад, чтобы сыновья Альмунда могли ее догнать. Сванхейд неспешным шагом продолжала путь, думая с досадой: а к кому Нежка отнесла ее слова?

Олав с дочерью ушел вперед, а Сванхейд, сделав знак в сторону поварни — дескать, у меня дела, — отстала от них.

У дверей поварни обернувшись, Сванхейд снова увидела Свенельда, а перед ним Нежанку, спешившую вернуться к госпоже. Вот он подошел — обнаженная шея в поту, несмотря на прохладу первых зимних вечеров, на носу краснеет ссадина, а на кисти левой руки, которой он при виде госпожи попытался привести в порядок растрепанные волосы, мелькнуло багровое пятно — «щитовая язва», что всегда появляется после упражнений с щитом, а с таких рук, как у Свена, почти и не сходит.

— Ты звала, госпожа?

У Свена уже в двадцать лет было такое лицо, которое не приспособлено для легких улыбок — отчетливо продолговатое, немного вдавленное у висков, заметно сужавшееся к подбородку, с высокими скулами, с чертами довольно

правильными, но жесткими, с суровой складкой ярких губ. Если смотреть в лицо прямо, то он казался несколько старше своих двадцати лет, но если глянуть сбоку, то черты с безупречно прямым носом смягчались и делалось видно, что он еще довольно юн. Почти такой же рослый, как старший брат, он имел более соразмерное сложение и красивые кисти рук. Брови были светлее волос и выделялись больше потому, что за лето Свенельд сильно загорел в походе. Но улыбка мелькнула в его глубоко посаженных глазах: ему льстило внимание госпожи, хоть он и догадывался, чем оно вызвано.

Сванхейд слегка растянула губы: так она выражала подданным свое благоволение, хотя глаза ее не улыбались. На первый взгляд трудно было поверить, что эти двое ровесники: Сванхейд держалась так величаво, так уверенно свысока смотрела на мужчину выше ее ростом, будто прожила на свете не двадцать, а все сорок лет.

— Рада видеть, что ты вышел с поля невредим. Получить увечье перед свадьбой — дурная примета. Когда мой брат женился, он тоже за день до свадьбы решил поразмяться с хирдманами. Невеста, йомфру Сигрид, ему сказала: будь осторожен, а то еще сломают тебе руку... И он возвращается в дом с правой рукой, увязанной в лубки. Свадьба-то состоялась, но боюсь, потом он действовал не очень ловко.

Свенельд ухмыльнулся: дескать, бывают у людей незадачи.

— Не желаю тебе никакого вреда, — продолжала Сванхейд, краем глаза отслеживая, чтобы никто из сновавших по двору гостей и челяди, видевших их беседу, не подошел достаточно близко, чтобы ее подслушать, — но если бы ты и получил какое-нибудь незначительное, легко исцелимое увечье, это было бы хорошим предложением... отложить некоторое дело...

— Какое дело, госпожа? — уже без улыбки спросил Свен.

— Ты понимаешь, что твоя невеста — еще дитя? Если бы не ты, на нее надели бы поневу через год, а то и два. Если ты в самом деле сделаешь ее женой, она может от этого заболеть и перестанет расти. Тебе придется всю жизнь искать ее где-то под локтем.

Свен отвернулся, подавляя досадливый вздох. Он и сам понимал, что для настоящего брака Витислава мала, но не знал, как поступить. Ведь если свадьба назначена, все должно идти

своим чередом. Свадебное пиво, танцы, подарки, провожание молодых с факелами к постели, потом утренний дар молодой жене... Если нарушить порядок, брак утратит законность.

— Слава асам, я настояла, чтобы свадьбу справляли по нашим обычаям, а не как хотела твоя мать, — продолжала Сванхейд. — По словенским обрядам, тебе пришлось бы наутро показывать постель и сорочку — правда ли свершилось «что надо», — по-славянски выговорила она. За три года жизни в Хольмгарде Сванхейд вполне сносно овладела языком славян, но сейчас говорила со Свенельдом, как и с другими домоладцами-варягами, на северном языке. — Ничего показывать тебе не придется. И никто не будет ждать, чтобы дети начали появляться прямо сразу. Уже сейчас видно, что она узко сложена. Такие и в зрелом возрасте рожают тяжело. Если она в ранние годы забеременеет, то умрет и не сумеет родить тех знатных детей, которых ты так ждешь, и твой успех пропадет понапрасну. Ты умно поступишь, если дашь ей время созреть. Даже славяне говорят — «недозрелую калинушку нельзя заломать», а уж они своим дочерям дома засиживаться не дают. Эта калина — совсем зеленая. Если ее сейчас сломать, она не оправится.

Свенельд еще раз глубоко вздохнул, глядя в сторону. Не то чтобы он с нетерпением ждал брачных удовольствий от втрашной ночи, но чувствовал себя неловко от разговора об этом деле с самой княгиней.

— Я пойду, госпожа? — вымолвил он, видя, что Сванхейд все сказала и молчит.

— Ступай.

Она развернулась и скрылась в поварне, не дожидаясь его прощального поклона.

* * *

Радонега все же настояла, чтобы брачную ночь молодые проводили на ложе из сорока ржаных снопов, а то вовсе счастья-доли не будет. На пиру юная невеста сидела в середине женского стола, на самом почетном месте, между Сванхейд и ее падчерицей. Без многослойных шерстяных накидок она казалась совсем ребенком — ее макушка не доставала Свену до плеча. По четыре золотых колечка с каждой стороны оче-